

Другим литературным событием выступает «большая литература», обладающая документностью и тем самым противостоящая «постмодернистскому недоверию» к любому тексту, что в свою очередь было вызвано постепенной утратой документами удостоверяющих функций в связи с принципиальной невозможностью аналитического различия фальсификата и документа и превращением последнего в симулякр. По мнению И. Каспэ, эффект документности в «большой литературе» достигается за счет умения автора работать с архивными материалами и использовать документ в качестве надежного фундамента для литературного воображения и благодаря активному осмыслению проблемы исторической памяти [1, с. 281]. «Опираясь на документ», развиваются особые типы литературного повествования, определенные Линдой Хатчин как «историкографическая метапроза»; это свидетельствует о шаткости границ между историческим и литературным.

Проанализировав метафору человеческого документа в романе Михаила Шишкина «Венерин волос» и документную специфику «большой литературы» на примере романа Александра Терехова «Каменный мост», И. Каспэ приходит к выводу, что в данных произведениях авторы идеализируют документ, присваивая ему именно те характеристики, нехватку которых обнаруживают.

К сожалению, жесткие границы жанра рецензии не позволяют охватить все статьи, опубликованные в сбор-

нике. Назовем авторов, принявших участие в создании сборника, но не попавших в наш обзор. Это Святослав Каспэ, Елена Рождественская, Олег Аронсон, Нина Со-сна, Елена Михайлик, Илья Кукулин, Ольга Бредникова и Оксана Запоржец, Михаил и Екатерина Шульманы, Виктор Вахштейн, Александр Филиппов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что проведенное исследование раскрывает новые аспекты феномена «документ», прежде всего в контексте его социокультурного статуса. Поэтому предложенный Ириной Каспэ термин «документность» выглядит методологически оправданным, однако его окончательная «научная прописка» возможна лишь по результатам дальнейших теоретико-методологических исследований и построений.

Список литературы

1. Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / сб. ст.; под ред. И.М. Каспэ — М.: Новое литературное обозрение, 2013.
2. *Levy D.M. Scrolling Forward: Making Sense of Documents in the Digital Age.* — N.Y.: Arcade Publishing, 2003.
3. *Blouin F., Rosenberg W. Processing the past: Contesting Authority in History and Archives.* — N.Y.: Oxford University Press, 2010.
4. *Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: дис. ... канд. ист. наук.* — М., 1992.

УДК 711 (470)
ББК Н0В121

В.А. МОИСЕЕНКО

СТОЛИЦА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО БРОДЯГИ

Рассмотрен ряд вопросов, связанных с описанием Санкт-Петербурга конца XIX века американцем Джозайей Флинтом в его книгах «Странствия с бродягами» и «Моя жизнь». Выявлены причины относительно малой популярности книг этого автора.

Ключевые слова: Джозайя Флинт, «Странствия с бродягами», «Моя жизнь», Санкт-Петербург, Вяземская лавра.

Североамериканец Джозайя Флинт (1869—1907) родился в штате Висконсин, на землях, расположенных к юго-западу от Великих озер. Его родители принадлежали к консервативной протестантской секте меннонитов, известной своими строгими моральными нормами. Но как ни странно, отпрыски подобных благочестивых семейств фигурировали на страницах тогдашних криминальных хроник едва ли не чаще, чем их менее знакомые с апостольскими наставлениями сверстники. Сам Джозайя, бросивший колледж, побывавший в тюрьме, бежавший из исправительной школы и успевший получить воровскую кличку «Чикагская Сигарета», некоторое время бродяж-

ничал по своей собственной стране, а затем, переплыв в должности корабельного кочегара Атлантический океан, продолжил скитания по Западной Европе — Германии, Австро-Венгрии, Норвегии, Англии, Швейцарии, Италии. Недостаточный, мягко скажем, образовательный ценз не мешал ему заводить знакомства со всемирно известными деятелями культуры этих стран — вплоть до Генрика Ибсена.

Но еще более невероятным выглядит его личное десятидневное общение с графом Львом Николаевичем Толстым в Ясной Поляне. Формальным поводом к посещению России для Флинта стало открытие в Нижнем Новгороде

XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки (9 июня — 13 октября 1896 года)¹. Иностранным корреспондентам, собиравшимся освещать работу выставки, царское правительство выдавало бесплатные трехмесячные билеты, позволявшие путешествовать в первом классе по всем (!) железнодорожным линиям страны. Получив стараниями влиятельных друзей такой билет, Флинт смог — несмотря на чрезвычайную ограниченность в денежных средствах (всего 75 долларов) — проделать по нашей стране путь, в целом составляющий не менее 20 тыс. км.

Фантастическая дешевизна столь впечатляющего даже по нынешним временам вояжа объясняется целым рядом особых приемов, которые применял наш путешественник. Так, чтобы не тратиться на гостиницы, он ночевал в поезде — благо, что тогдашние вагоны первого класса были оснащены весьма комфортными спальными местами. По словам самого Флинта, «когда близилась ночь, я преспокойно занимал постель в каком-нибудь поезде дальнего следования и таким образом мог выспаться. По утрам я выходил и осматривал окрестности либо продолжал путь в поезде» [1, р. 228; 2, с. 15]. Подобная практика приносила еще одну выгоду — не приходилось тратиться на паспортные сборы в гостиницах, что в России конца XIX века выливалось для путешественника в немалые расходы.

Каждый из эпизодов российского турне Джозайи Флинта — от визита к Толстому и до нахождения при генерале Куропаткине во время боевых столкновений с «туркоманами» в Средней Азии — достоин отдельной развернутой статьи. Мы же остановимся на пребывании Флинта в Санкт-Петербурге в последние месяцы 1896 и в первом квартале 1897 годов. Именно в этот период сделан фотоснимок, который использован при создании коллажа, помещенного в начале статьи. (В оригинале Флинт представлен на фоне огромной поленицы из толстых древесных стволов, занимающей целиком весь задний план). Эта фотография помещена как минимум в двух написанных нашим американцем книгах — «Странствия с бродягами» («Tramping with Tramps» [3]) и посмертно изданной «Моей жизни» («My Life» [1]).

Оставаясь верным уже освоенному во время своих прежних путешествий стилю социальной мимикрии, Флинт облачен в наряд, ничем не отличающий его от петербургского мастерового или разносчика. Что же касается русского языка, то его Флинт более или менее освоил, пока бродяжничал ранее в схожем отрепье за компанию с неким московским студентом в Витебской губернии, между городами Полоцк и Динабург (нынешний Даугавпилс в Латвии). Как в провинциальной России, так и в ее столице основное внимание американца было сосредоточено на вещах и явлениях, которыми рядовые туристы стараются не интересоваться. «Занимаясь своими исследованиями, — пишет Флинт, — я внимательно осматривал пристанища местных босяков и

посетил, среди прочих, печально известный дом Вяземского, худшую из трущоб, какие я когда-либо и где-либо видел» [1, р. 258; 2, с. 90]. Речь здесь идет о петербургском аналоге московского Хитрова рынка — пресловутой «Вяземской лавре». Это был комплекс домов, располагавшихся рядом с Сенной площадью, в треугольнике, образованном Забалканским (ныне Московским) проспектом, Горсткиной улицей (ныне улица Ефимова) и набережной реки Фонтанки. К слову сказать, с этим, равно как и с соседними, кварталами каждый российский школьник заочно знакомится на уроках литературы при изучении романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

И хотя отсюда не более получаса ходьбы до знаменитых архитектурных шедевров северной российской столицы — Зимнего дворца, Исаакиевского собора, Адмиралтейства, до набережной Невы, с которой открывается захватывающий вид на стрелку Васильевского острова и Петропавловскую крепость, мы напрасно стали бы искать у Флинта хотя бы упоминания об этих объектах. Более того, американский бродяга с каким-то непонятным ожесточением нападает на своих соотечественников, стремящихся взглянуть на заморские достопримечательности: «Американцы толпами стекаются в Европу и лихорадочно мечутся от одного города к другому, точно сама их жизнь зависит от возможности поглазеть на всяческую чепуху <...> Подавляющее большинство мчится вперед, расталкивая друг друга, они забираются в самые потаенные “исторические” уголки, и для многих из них — вероятно, почти для всех — Европа становится лишь музеем предметов, “отмеченных звездочкой” в путеводителе по прихоти составителя» [1, р. 230; 2, с. 16].

Сам же Флинт если и называет какое-либо известное петербургское здание или ансамбль, то лишь с целью либо преподнести читателю очередное банальное противопоставление из разряда «принц и нищий», либо просто для того, чтобы точнее локализовать притон или ночлежку, о которых он далее будет вести речь. Например: «В одну зимнюю ночь 1896 года (мне говорили, что с тех пор ничего не изменилось) здесь в пяти двухэтажных домах, расположенных на пятачке размером с бейсбольное поле, спали 10400 мужчин, женщин и детей. Всего лишь в сотне шагов находится Аничков дворец» [1, р. 258; 2, с. 90]. Или: «Облаве, в которой я участвовал (в качестве наблюдателя. — М. В.), подверглась ночлежка поменьше, рядом с монастырем Александра Невского» [1, р. 259; 2, с. 91].

Откровенно говоря, при чтении книг Флинта становится жаль автора, принципиально отказывающегося разнообразить свои повествования о бродягах хотя бы небольшими отступлениями на иные темы. Как здесь не вспомнить о диаметрально противоположном явлении — творческой манере Александра Дюма-отца.

При рассказе о том же Аничковом дворце, а также о расположенном по соседству одноименном мосте, последний, смешав в известной одному ему пропорции быть с небылью, сотворил изящную микроновеллу, вполне до-

¹ Даты приведены по новому стилю. — В.М.

стойную Декамерона и тем более права быть приведенной в настоящей статье в качестве поучительного примера [4, р. 343; 5, с. 153]:

«Когда он (Николай I. — *М.В.*) велел поставить на Аничковом мосту четыре бронзовых скульптуры лошадей, на крупе одной из них нашли следующую надпись:

Барон фон Клодт приставлен ко кресту
За то, что на Аничковом мосту
На удивленье всей Европы
Он выставил четыре голых ж...

Начальник полиции доложил об этом императору, и тот приписал под четверостишием:

Сыскать мне сейчас же пятую ж...
И расписать на ней Европу.
Быть посему. Николай».

Интересно, как Дюма перевел на французский язык эти достаточно игривые поэтические строки [4, р. 343]:

Rassemblez donc l'Europe entière
Pour lui montrer quatre derrières!

И распоряжение Николая:

Chercher le cinquième derrière;
Y dessiner l'Europe entière.

Впрочем, даже при всем нашем старании трудно представить, чтобы Джозайя Флинт обогатил англоязычную поэзию подобного рода опусом. Муза его куда более угрюма, хотя и не лишена пророческого дара. Подтверждением тому может служить следующий описанный им эпизод: «Как-то раз глубокой ночью офицер полиции и несколько городских повстречали одну женщину из Армии Спасения, выходившую из самого обветшалого здания. Она посещала ночлежку по миссионерской надобности. — Боже мой! — воскликнул офицер, увидев ее без сопровождающих. — Вы здесь одна? — О нет, офицер, не одна, — отвечала бесстрашная маленькая женщина. — Со мною Бог. — Гм, — хмыкнул офицер. — В компании одного Бога я сюда ни за какие деньги не сунулся бы» [1, р. 258—259; 2, с. 90—91].

Более чем вероятно, что от этих строк у читателя останется в памяти разве что красное словцо, оброненное офицером. Если, конечно, не взглянуть на карту, и не обнаружить, что описанная сцена происходила не столь уж далеко от недоброй памяти Чубарова (ныне Транспортного) переулка. Того самого, что через три десятилетия, в 1926 г., даст название пресловутому Чубаровскому процессу с чуть ли не тремя десятками подсудимых, всколыхнувшему всю страну (к тому времени уже СССР).

В целом же личность самого Джозайи Флинта куда более интересна и колоритна, нежели его сочинения. Дополнительный «шарм» придает ему пряный контраст между обликом оборванца и весьма загадочной по своей природе опекой со стороны сильных мира сего.

Так, по Петербургу он гулял с совершенно уникальным документом — письмом от градоначальника генерала Клейгельса, адресованным городской полиции. В письме говорилось: «Податель сего — Джозайя Флинт, американский гражданин. В Петербурге находится для изучения условий жизни в городе. Ни при каких обстоятельствах не подлежит аресту за бродяжническое поведение» [1, р. 261—262; 2, с. 96]. По этому поводу Флинт не без доли иронии замечает: «Американский посланник в России сказал мне, что с таким письмом в кармане я вполне мог бы безнаказанно совершить убийство» [1, р. 262; 2, с. 96].

После того, как петербургский этап бродяжничества Флинта завершился и он вновь принял респектабельный вид, другой знакомый американец пригласил его посмотреть на «неизвестный» Петербург. Флинт согласился, но описание данной экскурсии заняло у него буквально одну строку: «Смотреть оказалось почти нечего, все это я не раз видел в других городах» [1, р. 262; 2, с. 96—97]. Из контекста не вполне ясно, к чему именно относится столь суровый приговор — к художественным сокровищам Петербурга или изыскам ночной жизни, которую ведут столичные «сливки общества». Если судить по содержанию и настрою всей книги, то не исключено, что сразу и к тому, и к другому. В связи с подобной позицией Флинта автору статьи по странной ассоциации вспомнился тот категоричный тон, каким Чацкий в «Горе от ума» читает нотацию Молчалину:

Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа [6, с. 106].

По правде говоря, ценность предлагаемого в четверостишии рецепта с точки зрения формирования на его основе соответствующего стиля жизни и творчества вызывает весьма большие сомнения. В частности, не исключено, что именно упорное нежелание Джозайи Флинта привнести в свои сочинения толику занимательности и тематического разнообразия стало одной из тех основных причин, которые лишили его широкой читательской аудитории даже на своей родине — в США.

Список литературы

1. *Flynt J. My Life.* — N.Y.: The Outing Publishing Company, 1908.
2. *Флинт Дж. Хобо в России.* — М.: Salamandra P.V.V., 2009.
3. *Flynt J. Tramping with Tramps.* — New York: The Century Co, 1907.
4. *Dumas A. Impressions de Voyage. En Russie.* — Paris: Éditions François Bourin, 1989.
5. *Дюма А. Путевые впечатления в России.* В 3 т. — Т. 2. — М.: Ладомир, 1993.
6. *Грибоедов А.С. Сочинения в стихах.* — М.: Сирин, 1997.